Speech portrait of a personage: syntactic aspect

There is considered the essence of the notion "speech portrait of a personage" and the analysis of the role of the expressive syntactic constructions of the speech character in creating of such portraits.

Key words: *personage's speech, speech portrait of a personage, expressive syntax, constructions of speech syntax, relative communicative, parceling constructions.*

(Статья поступила в редакцию 4.02.2015)

Ж.Т. ЕРМЕКОВА
(Астана)

КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ

Анализируются когнитивные метафоры растительного мира в творчестве современного казахстанского писателя А. Жаксылыкова, в сознании которого возникают оригинальные транскультурные образования, органично сочетающие в себе образы казахской и русской лингвокультур.

Ключевые слова: *транскультурная личность, словесный образ, языковое сознание, фитоморф.*

Близкое соседство, тесное общение одарили людей особым свойством – **транскультурным** видением мира, это состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам, при котором растворяются жесткие, оприродненные черты культуры, появляются смысловая подвижность и новая сочетаемость элементов разных культур.

На казахстанской земле созданы благоприятные условия для формирования транскультурной личности, широкий кругозор которой характеризуется своей открытостью и вовлеченностью не только в соседние культуры, но в мировые. Под транскультурной личностью понимается индивид, ориентированный через свою культуру на другие. Глубокое знание собственной культуры для него — фундамент заинтересованного отношения к иным, а знакомство со многими — основание для духовного обогащения и развития.

Творчество современных русскоязычных казахстанских писателей-постмодернистов, в частности А. Жаксылыкова, изучено далеко не полно, и главное, недостаточно осознается строй его художественной мысли. В его художественном тексте наблюдается одновременно палитра Европы, Азии, а также культур Индии, Китая, в то же время обнаруживается «своя национальная содержательность, упругость, сознательное, критическое отношение и отбор чужеземного материала» [2, с. 89], национальный образ первичной культуры описывается средствами его вторичной/ приобретенной, в нашем случае – русской языковой культуры [1, с. 11].

Специфика художественного творчества А. Жаксылыкова проявляется в том, что, «обращаясь к русскому языку как к форме художественной практики, как к форме создания литературных произведений», писатель развивает «не только традиции русской, но и своей национальной литературы и культуры. Это развитие выражается в отборе жизненного материала, в его освещении, в образной системе, в использовании фольклорных мотивов, в употреблении слов из своих родных языков» [6, с. 90].

Как справедливо отмечает Н.В. Павлович, существует единый язык образов со своим «словарем» (парадигмами), «алфавитом» (тезаурусом понятий) и «грамматикой» (типовыми связями парадигм в тексте и варьированием их лексического наполнения) [7, с. 25]. Образы возникают как носители информации, гарантирующие относительную стабильность ценностного ядра культуры. В предыдущих наших исследованиях действительно было обнаружено, что фактически доминантные понятия типа «человек», «пространство», «время» и др. вызывают на уровне больших парадигм одинаковые ассоциации у носителей казахского и русского языков [3; 4]. Универсальный характер вечным образам придают единая природа психофизиологических качеств человека и принципиальное сходство стоящих перед ним задач.

Представляют интерес в этом отношении фитоморфные словесные образы, т.е. использование названий растений для обозначения других объектов и среди них характеристики

© Ермекова Ж.Т., 2015

человека. Возможность такого переноса объясняется сложившимися у человека представлениями о флористическом мире.

В статье мы попытаемся рассказать о том, какие есть парадигмы образов в русскоязычной прозе казахстанского писателя, как они связаны друг с другом, и как в этом участвуют разные типы парадигм с номинантой «фитоморф». В рамках этой базовой ассоциации наблюдается наиболее широкий спектр актуализируемых смыслов, которые характеризуют человека с точки зрения его состояния, ощущений, психофизиологических свойств (характер, темперамент и т.д.).

Иллюстративным материалом в настоящей статье послужили романы русскоязычного писателя А. Жаксылыкова «Поющие камни», «Другой берег», «Сны окаянных», «Дом суриката» [5]. Автор романов обладает достаточно ярким художественно-эстетическим сознанием: развитым воображением, утонченными чувствами, тягой к прекрасному, способностью ценить красоту, художественным вкусом, умением разбираться в произведениях искусства, что приобреталось в процессе жизненного пути.

Парадигма образа – это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления, или сравнения: растение – левый член парадигмы и живое существо – правый член парадигмы. Чем больше членов парадигмы нам известно, тем глубже понимание образа. И это понимание определяется не столько основанием для сравнения (которое может вообще отсутствовать), сколько его парадигмой.

По мнению Н.В. Павлович, каждый художественно-поэтический образ существует не сам по себе, он не случаен, не обусловлен только данным контекстом, а реализует некоторую «вечную идею», модель, инвариант, парадигму. Понять образ означает узнать эту «вечную идею», а точнее узнать некий смысловой закон, или парадигму. И чем больше синонимов, прототипов или членов парадигмы мы найдем, тем точнее удастся определить искомый закон, тем глубже будет наше понимание образа [7, с. 14].

Интересно знать не столько большие (универсальные) парадигмы, сколько малые, поскольку именно они не только подчеркивают индивидуальность автора, но и служат этнокультурным маркером. Чтобы четче увидеть особенности воображения транскультурной личности, мы решили провести сопоставительное наблюдение за парадигмами образов, рождающихся у русской и казахской творческих личностей. Методом сплошной выборки мы собрали фактический материал на основе романов А. Жаксылыкова, а также воспользовались данными исследования Н.В. Павлович [7].

Так, наиболее продуктивной у А. Жаксылыкова оказалась глагольная модель фитообразов: ***Лес переговаривал*** *со скалами во тьме, то отходил в сторону, то шумно* ***подбегал на тысячах ножек, недовольно*** *скрипел и потрескивал издалека,* ***выжидал*** *твоей паники* ([5, с. 327]*); ***Лес вздыхал*** *всей грудью, облегченно и бодро* (283); ***парк любовался, дубы и ясени стояли по стойке «смирно»*** *и* ***провожали тебя преданными глазами*** (413), ***парк вздохнул*** *объемным ветром и заметно* ***вытянулся*** *косматой тенью* (412); *устремил взгляд на* ***прикорнувшую*** *серую* ***долину*** (355); *...****вздыхают, томятся*** *травы* (72); *строй караульных* ***деревьев, провожает его зелеными взглядами*** (413); ***дерево, откликаясь*** *всей душой, широкой, щедрой, обильной, обещающей неисчислимые плоды,* ***баюкало*** *тебя ладонями-ветками* (341); ***Они (растения)*** *тоже часто* ***болели, погибали,*** *между ними шла борьба за место под солнцем, но они* ***не знали*** *ни зла, ни жестокости, ни чрезмерности, ибо они были плодотворением* (358); ***бежали*** *вдаль* ***верхушки высоких растений*** (83)*;* ***карагачи манили*** *в тень* (75); *Белая береза* ***сосками кормила*** *ветер* (296); ***боролись со сном деревья, акации умоляли*** *далекое небо выпустить их на воздух, в объятия свежего ветра* (317); *Старые раскидистые, неохватные* ***зуобабы издавали рыкающие*** *рылады* (357); ***Каштан улыбнулся*** *тебе, как бы* ***махнув*** *приветливо ветвями* (316); ***Каштан*** *и дождь всегда* ***будили*** *тебя* ***по ночам, звали побродить*** (186); *Джусойные деревья оживленно о чем-то* ***лопотали, помахивая щупальцами*** (178); *Они (растения)* ***любили*** *золотые нити светила и хотели раскрыться во всей красе расцвета – это было главное* ***делание деревьев и трав*** (358); ***Замерли*** *в морозном* ***сне*** *заросли* ***таволги и карагана*** (386); *неистребимые и вездесущие растения, травы и мхи,* ***заботливо прикрывая зеленью*** *кирпичную кладку,* ***маскируя стеблями*** *скелеты разбитых зданий* (354); *алые груды* ***помидоров дразнили*** *взор* (59); *серый* ***бурьян*** *тоскливо и нелюдимо* ***безмолвствовал*** (383); ***цветы ластятся***

*Далее в круглых скобках указаны страницы по этому изданию.

и признаются *в вечной любви…* (225); ***подсолнух улыбался*** *широким радушным лицом щедрого крестьянина* (320); ***Вы прорастали*** *всюду, где сыро и темно… Робкой* ***порослью*** *тянетесь* ***вы*** *к свету создателя, неся ядовитые споры. Блеклые, хилые, плакучие,* ***вы*** *тоже движетесь,* ***растете,*** *кусочки истины, которые ухвачены вами, тоже отравлены. Но не суждено вам* ***подняться*** *выше* ***мха и травы****. Никогда не сравняться вам с* ***могучими деревьями.*** *Всегда вас будут топтать, давить грязными подошвами… Да,* ***вас, мухоморов и поганок человечества*** (36); *До самого утра* ***качала и нянчила тебя древесная*** *маетная* ***колыбель****, реяла тучей листьев, дождем веток и стеблей* (341).

Достаточно частотны номинативные модели, олицетворяющие растения*: Навостренное ухо безмолвья внимало* ***лопотанью ивы*** (203); ***Безмолвие чащ, молчание*** *тростниковых зарослей* (354)*; стояли таборы плотоядных* ***кустов-полуживотных****, полурастений, таились* ***грибы-убийцы*** (117); ***луг*** *весь был живым жужжащим* ***хором,*** *россыпью голосов* (302); *Среди ивовых и ветловых шатров,* ***кучкующихся*** *вдоль русла,* ***оцепеневших во сне*** *тополевых* ***рощ*** (50–51); *Ветер раскачивал тонкие* ***пряди*** *березы* (296); *… спросил что-то глупое про лиловую* ***орхидею, цветками*** *напоминающую* ***улыбающиеся губы*** (9); *услышал ты* ***голос тростников*** *в ушах* (27); ***голоса растений*** *обнажили прежде скрытую глубину, где зиждились отношения деревьев и трав* (358); ***радость листвы, восторг ветвей,*** *прорастающих навстречу дождю* (64); *к* ***деревьям-убийцам*** *направлялась группа зубуйволов* (118); *смотришь на медсестру Сауле, робкую, словно* ***первый стебелек*** (68); *Такие, как* ***ты,*** *как* ***бледные поганки****, всюду прорастают для горечи на земле* (36); *Толстый, полосатый, готовый лопнуть от важности,* ***арбуз*** *взобрался на кафедру, хмуря желтый стебелек, строго произнес: «А теперь прослушайте лекцию о международном положении. Зрелая* ***дыня*** *лоснилась, потягивалась всем загорелым телом… Словно обнаженные коленки, бесстыдно белели* ***яблоки-антоновки. Фасолины*** *кружили, мельтешили перед глазами, разбегаясь в символы знакового гадания… Внезапно красавица* ***дыня*** *куда-то исчезла, словно в преисподнюю провалилась...»* (63).

Итак, левый член парадигмы «фитоморф – живое существо» представлен лексическим рядом: *деревья (каштан, ива, дуб, ясень, карагач, акация, береза, караган, фикус), кусты, трава, бурьян, мох, листва, ветви, тростник, цветы (орхидея, роза), грибы (поганки, мухомор), плоды (помидоры, дыня, арбуз, яблоко), роща, долина, лес, луг, парк, сад* и т.д. Перечисленные «растения» олицетворяются посредством глаголов: *вздыхают, томятся, дразнят, провожают, любуются, стоят, бегут, манят, будят, кормят, борются, умоляют, переговаривают, лопочут, выжидают, погибают, молчат, безмолвствуют, ластятся, признаются, улыбаются, маскируют, прикрывают* и т.д.

Адъективных моделей фитообразов зафиксировано значительно меньше ожидаемого, казалось, казахскому сознанию свойственна признаковость: *Он (камень) освобождает боль, отпускает ее на дикие склоны, где цветут* ***кровавые воплевые цветы*** (88); *Сентябрьский* ***сад*** *особенно* ***задумчив****, немного даже как-то* ***мрачноват*** (413); ***цветы молчаливые одинокие обиженные*** (54); *на* ***лугах квакающих, стрекочущих, жужжащих и влюбленных*** *тебе одиноко и холодно, коке* (52); *Увези меня в горы, забери меня с собой на* ***луг*** *поднебесный* ***одинокий*** (55); ***оберегаемые листьями*** *золотистого фикуса* (355). Практически все определения, создающие образную картину главного героя – мальчика, живущего в предгорье, характеризуют его настроение: то вопят цветы, окровавленные раненным в голову мальчиком, то они молчаливы, одиноки, обижены, то одинок обманутый отец (коке) на лугу, полном жизни, стрекочущем, жужжащем, квакающем, то одинок сам родной, любимый луг.

Эти же растения ассоциируются прямо и латентно в правом ряду парадигмы «фитоморф (дерево, ковыль, полынь, трава) – живое существо» с: невестой, лошадью, волком, питоном: ***деревья,*** *укутанные паутиной, подобно* ***невестам*** *самой смерти* (317); *Когда снится конь небесный, дыбящийся тучно над* ***гривами ковыля*** *и* ***седой полыни с волчьими очами,*** *кренящий в развороте шального бега черную чашу долины* (351); *…заросли среди пальм и бамбуков, похожие на* ***питонов,*** *и змеи, не отличимые от лиан* (232); ***Каштан*** *качался, потряхивая буйной зеленой* ***гривой,*** ***рвался с места, словно застоявшийся боевой конь*** (229); *восхищенные* ***травы вздыбились,*** *ходя ходуном в половодье джугарной долины* (203). Обратим внимание на фитоморфный лексический ряд (дерево, ковыль, полынь, трава), рисующий живую картину степи, а соотнесение растений с конем – явная нить, указывающая на связь с конно-кочевой цивилизацией.

В то же время обнаруживаются словесные образы, дающие возможность утверждать, что А. Жаксылыков – личность, воспитанная не на одной, родной, казахской культуре, влияние других, в частности русской, налицо. Это и бунинские «*антоновские яблоки* – женские коленки», это не характерные для космо-психологоса казаха *каштаны, питоны*, а также не характерное для казахского языка высокочастотное глагольное образование фитообразов.

Языковому сознанию А. Жаксылыкова свойственно национально-культурное своеобразие. Следует признать, что языковое сознание влияет на национально-культурное восприятие и пронизывает весь пласт языковых приобретений от лексико-грамматического до социально-культурного уровня. Внутренняя детерминанта структуры казахского языка порождает причудливую смесь образного мировосприятия транскультурной личности. Не учитывая закономерных связей между исторической жизнью народа и его языком, закрепляющим психологический склад, этические и эстетические взгляды людей, невозможно объяснить образный строй современной русскоязычной литературы, тесно связанной с космо-психологосом казаха, невозможно проникнуть в истоки поэтических символов, их литературно-поэтической трансформации, фразеологического и метафорического богатства, а главное, системы художественно-выразительного мышления [2].

Фитоморфизм А. Жаксылыкова является источником нового смыслообразования в художественном тексте, средством создания различных словесных образов с этнокультурным компонентом. Например, образ «фитоморф – музыкальный инструмент (кобыз)»: *Нечто похожее на* ***пение кобыза*** *издавали* ***рощи бамбука,*** *качаясь на ветру, играя длинными зелено-серебристыми листьями, они издавали свой темный* ***надрывный плач,*** *хватающий за душу* (357). Русские же поэты соотносят растение (березы, сосны, дерево, дуб) с другим лексическим рядом музыкальных инструментов (орган, гусли, арфы, виолончели, труба, дудки, тамбурин) : *И встревоженный лес, как великий орган, / на скрипящих корнях заиграл* (Случевский) (цит. по: [7, с. 64]); *Сосновой рощицы закон —/ Виол и арф семейный звон: / Стволы извилисты и голы, / Но все же арфы и виолы / Растут* (Мандельштам) [Там же]; *Ночь листопада, ночь листопада, / Каждый листок – золотой тамбурин* (Мандельштам) [Там же, с. 65].

Образ «орган человека – фитоморф» обнаружен и у казахстанского, и у русских авторов, сходство наблюдается лишь на уровне больших парадигм, малые же парадигмы отличаются этнокультурным компонентом. Если у Жаксылыкова образ «щека – пшеница, дым», «ноги – заросли»: *чтобы спасти, успеть остановить рычащего человека-барсука, папу, занесшего свиристящий кулак над* ***пшеничной дымной щекой*** *дорогой моей матушки, поющей и плачущей на краю пустынной полынной целинной дороги, заросшей сизыми седыми бредовыми дождями* (373); *я, лежа под небом, отчетливо видел их* ***ноги*** *(мальчишек), которые качались* ***зарослями,*** *гудели, пылили в остановившейся пустоте* (41), то в русском поэтическом творчестве частотен образ «уста – роза, мак, лепестки, полынь, лебеда»: *Ее уста, как роза, рдеют* (Пушкин); *Что губы девственниц?/ – Полынь и лебеда* (Мариенгоф) [7, с. 96]; «уста – плоды (малина, калина, вишня, виноград, брусника, помидоры, сливы, яблоко, ломоть арбуза)»: *Ах, губки эти алые и сочные, как ягоды*! (Северянин); *Губы – доли багряного персика* (Белый) [Там же, с. 98].

Обратные парадигмы «фитоморф – живое существо, орган» обнаружены и у казахстанского, и русских авторов: *Но она,* ***пшеничная женщина,*** *хлынула отовсюду потоком, расплескивая гремучие* ***руки-стебли*** (373); *И на мертвых ветках дремлют /* ***Пасти*** *жадных* ***орхидей*** (Брюсов) [Там же, с. 97]; *И* ***тюльпаны губы*** *тянут и немеют взаперти* (Кононов) [Там же, с. 96]. И в прямых, и в обратных парадигмах созданные образы на уровне малых парадигм имеют национальную специфику.

Некий национальный колорит характерен для образов «время – фитоморф»: ***Ночь*** *летит в шорохах, словно* ***огромное перекати-поле*** (36); «пространство – фитоморф»: ***Луна*** *заглядывала в окно, она была* ***похожа на*** *желтую налитую* ***дыню*** (31); *спасти призрачный домик средь поля-джугары,* ***заросший*** *седыми прошлогодними дождями,* ***полынными дымами*** (376); «фитоморф – образ жизни»: *осеннего дворцового парка, слегка оголившегося вершинами и осыпающегося кружевной* ***кочевой листвой*** (413).

Видение окружающего мира художником - казахом отличается включением в его контекст новых смыслов, элементов, характерных для родной языковой картины мира: *полынь, перекати-поле, пшеница, кочевье, кобыз.*

Таким образом, сформированный метафорой когнитивно-чувственно-наглядный образ

с номинантой «растение» (фитоморф) фиксирует восприятие мира А. Жаксылыковым, отражает в сознании и эксплицирует в виде необыкновенных малых парадигм словесных образов. Феномен транскультурной личности в том, что транскультура освобождает автора от символических зависимостей его «врожденной» культуры, при этом место культурной идентичности занимают не просто гибридные образования, но набор потенциальных культурных признаков, универсальная символическая палитра, из которой любой индивид может свободно выбирать и смешивать краски, превращая их в собственную картину. Транскультурная творческая личность – это новая индивидуальность, для которой характерны «опережающее обыденность сознание» (У.М. Бахтикиреева), полифоничность и многоликость, это писатель, который, создавая художественное произведение, передает с помощью языка те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности, а потому заслуживает внимания лингвистов.

Список литературы

1. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009.
2. Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы: на материале болгарской литературы первой половины XIX века. М.: Наука, 1964.
3. Ермекова Ж.Т. Особенности когнитивных пространств носителей русского и казахского языков // Русский язык за рубежом. 2011. №6. С. 78–83.
4. Ермекова Ж.Т. Инвариант как парадигма образов национального сознания // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. М., 2011. № 2. С.20–24.
5. Жаксылыков А. Сны окаянных. Алматы, 2005.
6. Иванов В.В. Михайловская Н.Г., Панькин В.М. Язык великого братства. М., 1986.
7. Павлович Н. В. Язык образов. М.: Азбуковник, 2004.

* * *

1. Bahtikireeva U.M. Tvorcheskaja bilingval'naja lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tjurkskogo proishozhdenija). Astana: Izd-vo «CBO i MI», 2009.
2. Gachev G.D. Uskorennoe razvitie literatury: na materiale bolgarskoj literatury pervoj poloviny XIX veka. M.: Nauka, 1964.
3. Ermekova Zh.T. Osobennosti kognitivnyh prostranstv nositelej russkogo i kazahskogo jazykov // Russkij jazyk za rubezhom. 2011. №6. S. 78–83.
4. Ermekova Zh.T. Invariant kak paradigma obrazov nacional'nogo soznanija // Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij jazyk za rubezhom. M., 2011. № 2. S.20–24.
5. Zhaksylykov A. Sny okajannyh. Almaty, 2005.
6. Ivanov V.V. Mihajlovskaja N.G., Pan'kin V.M. Jazyk velikogo bratstva. M., 1986.
7. Pavlovich N. V. Jazyk obrazov. M.: Azbukovnik, 2004.

Cognitive metaphors of the flora in the linguistic mind of a transcultural personality

There are analyzed the cognitive metaphors of the flora in the creative work by a modern Kazakhstan writer A. Zhaksylykov, who represents the original transcultural formations that combine the images of the Kazakh and the Russian linguistic cultures.

Key words: *transcultural personality, verbal image, linguistic mind, phytomorph.*

(Статья поступила в редакцию 12.01.2015)

И.И. СКАЧКОВА
(Волгоград)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ СТАНДАРТНОГО ЯЗЫКА В США

Исследуется идеология стандартного языка, на которой базируется коммуникативное поведение жителей многонационального государства и которая определяет языковую политику США на современном этапе.

Ключевые слова: *языковая политика, языковая идеология, идеология стандартного языка, языковая субординация, ассимиляция, потребность идентичности.*

Общеизвестно, что язык является гибким и постоянно меняющимся символическим маркером социальной принадлежности. Человек использует язык для самоидентификации. Кроме того, члены коммуникативного сообщества определяют социальную принадлежность партнера по коммуникации на основа-

© Скачкова И.И., 2015